

Повесть о детстве

о книге Марианны Веховой «Бумажные маки»

Книга Марианны Веховой имеет подзаголовок: «Повесть о детстве». Но сразу же вводится еще одна тема: «Посвящается памяти моих безвременно умерших родителей: двадцатитрехлетней маме, погибшей в ссылке, и тридцатилетнему отцу, пропавшему без вести в народном ополчении под Ржевом».

Вся вторая часть книги – попытка ребенка, подростка, а затем и взрослого понять самоубийство матери и решимость отца, которого любая медицинская комиссия не признала бы годным к военной службе, идти в ополчение, на верную смерть. Этот поиск перерастает в открытие третьей темы: о глубинном смысле страдания. Третьей темы я совсем не почувствовал в журнальном варианте. Он меня захватил когда-то, временами сердце сжималось от жалости, но я не подозревал в авторе мыслителя. Слишком многое было, видимо, сокращено. Оставались больные девочки, мастеровившие лежа на спине искусственные цветы, чтобы в день победы положить их к портрету Сталина. Только несколько лет спустя, выйдя из санатория, одна из этих девочек начинает понимать, почему бабушка Женя, взявшая ее к себе, живет в глухом углу Коми АССР, а не в Москве, почему погибла ее мать, Тамара Гербст, виновная только в своей немецкой фамилии, и почему отец предпочел погибнуть, а не упомянуть о своей близорукости в восемь диоптрий.

В журнальном варианте («Континент», № 90) во всем виноват «век-волкодав». Но в книге автор идет дальше, глубже.

«Я ведь была тем страдающим безвинно ребенком, одиноким в мире страха, крови, войны, ребенком, о котором можно было спросить: каков смысл этой боли, одиночества, надвигающейся инвалидности – безысходного горя до конца дней?» Надо ли забыть свои страдания, словно их не было, освободиться от груза воспоминаний – или человек обязан их помнить, вдумываться в них, искать в них смысл? В своих личных страданиях и в страданиях страны? Зачем нужны они, все эти страдания?

«Когда я была больным ребенком, одиноким среди чужих, когда кричала от боли, грызла руки, мучилась в лихорадке, погружалась в страхи, – я жила этим – болью, жаром, страхом, была внутри страдания. А только отпускало, я, усталая, спала... Это взрослым было тяжело на меня смотреть извне... Сейчас, сама взрослая, я понимаю в полной мере, каково это – видеть муки ребенка. Но ведь и боль одинокого старика, обманутой девушки, избитой мужем женщины, юноши, попавшего в руки садистов, ужас и отчаяние ракового больного, умирающего в пустой квартире, – разве они меньше тех моих детских мук? Кто их может взвесить и сравнить?

Возможно ли – жалеть одного больше, чем другого?..

Очищает ли страдание? Я видела и по себе знаю – подавляет, искажает, уродует. Может быть, очищает сопротивление этим искажениям? Может быть, возвышает победа над своей слабостью?

Тогда мне нельзя отсекать себя теперешнюю от прошлой, зачеркивать мои победы, такие

тяжелые, давшие такую большую цену, и отворачиваться от поражений, которые мне так много помогли понять...»

Вехова пристально вглядывается в свои маленькие детские победы и поражения, в свои порывы к радости жизни сквозь будничное, привычное страдание и в свои завихрения злорадства, мучительства.

Драгоценным опытом становится и радость, сменившая боль, и вопли, которыми больной ребенок мстит взрослым за то, что они здоровы, или – едва выучившись читать – декламирует наизусть сказки Пушкина как раз во время мертвого часа, назло всем. И первое прикосновение к молитве:

«В гипсе спина болела меньше, чем на полу в избе, до больницы, я уже не кричала от приступов, спина просто ныла то сильнее, то тише, я плакала, когда менялась погода, и боль, как ночная мышь, начинала меня точить.

Одна больная сказала мне по секрету:
– Хочешь, научу тебя унимать боль?

Еще бы! Я очень даже хотела!

– Я научу тебя тайным словам. Ты их будешь повторять, когда тебе особенно больно, и тогда полегчает. Но это поможет, только если ты никому никогда не скажешь этих слов. Если скажешь хоть одному человеку, волшебные слова навсегда потеряют лечебную силу!

Она понимала, что ей может грозить, если я разболтаю, что она меня учила молиться. Но велика была ее доброта, она взяла верх над страхами. А я обрадовалась, что у меня будет моя собственная тайна, да еще волшебная!

Женщина прошептала мне на ухо:

– Запоминай! «Отче наш, иже еси на небесех...», повторяй, запоминай, – велела она.

Слова были такие непонятные, я их никогда ни от кого не слышала... И я поверила, что они – волшебные. И действительно, они помогали мне перетерпеть ночи, когда все спят, а в темной палате бродят страшные сны и оживают боли. Слышны стоны и вздохи тех, кого грызут их боли-невидимки с железными когтями и раскаленными в аду зубищами...

Да, моя боль пугалась волшебных слов...»

И в самом деле, разве суть молитвы в понимании отдельных слов? А не в волшебстве целостного чувства, не в обращении к таинственному всемогуществу – над всеми причинами и следствиями? Разве в любой молитве на непонятном или полупонятном языке не встает один и тот же образ света, мерцающего во тьме? Разве суть не в самом обращении к этому свету, сквозь боль физическую и нравственную? Не в зажигании внутреннего «белого огня», пламени без дыма, в котором сгорает зло?

Не зря ведь было сказано: будьте как дети. Ребенку что-то доступнее, чем взрослому. Наверное, потому, что мир его мал, и целое в этом мире господствует над подробностями, и за отчетливо видимыми деревьями ребенок чувствует, угадывает волшебный лес. Секрет обаяния книги – в упорном поиске этого леса, волшебного смысла собственной жизни, всякой жизни – и смысла, не найденного в жизни отцом, которого Вехова смутно помнила, и мать, совсем не

запечатлевшейся в младенческом сознании. Живя у бабушки Жени, она вслушивается в каждый рассказ о маме, вглядывается в каждую фотографию, вчитывается в каждое письмо, вплоть до последней, в горячке набросанной записки мужу, бесконечно ее любившему и поехавшему за ней в ссылку: «Срочно вернись с ребенком в Москву. Когда мама освободится, отдай ей ребенка. Работай, женись. Живи!»

Да, проще всего сказать: ее погубило время. Но Веховой нужно дойти до глубинного смысла катастрофы. И она находит его в незначительном, на первый взгляд, эпизоде:

«Когда маме было три года, бабушка Женя привела ее в храм в Берлине. Девочка увидела распятие. Она вгляделась в лицо Христа с потеками крови от тернового венца, в Его руки, пробитые большими гвоздями, и начала кричать и плакать: Злые люди! Злые люди! Зачем они Боженку гвоздями прибили?»

Бабушка испугалась, что дочка слишком впечатлительная, и больше никогда не водила ее в храм. Она хотела защитить детскую ранимую душу и не знала, что раны Христа имеют врачующую силу. Чем больше человек о них плачет и думает, тем свободнее и сильнее становится незаметно для себя. Если бы из детских слез родилась любовь ко Христу, вся жизнь девочки пошла бы по другому руслу: ее характер сложился бы по-другому, ее защитили бы от отчаяния могущественные силы... И что бы с ней ни случилось, она не стала бы обрывать свою жизнь сама...»

Так же мягко Вехова вспоминает (но не забывает вспомнить!) атеистическую книжку своего отца-астронома, поверившего в науку, как в Бога, и изнутри любви приносит покаяние за ошибки поколения, захваченного пафосом «бесконечного развития богатства человеческой природы» и покорения обезбоженной вселенной. Ей очень важно, что умный священник разрешил отпеть самоубийцу: «Отвернулся и постоял, опустив голову, перед иконой Богородицы. А потом ответил, что моя мама не виновата ни в чем, потому что ее затравили, довели до самоубийства. С нее грех снят, он пал на того, кто ее довел до отчаяния, тем более что мотивы у нее были: спасение ребенка и мужа от ее собственной тяжелой участи. Значит, она принесла себя в жертву, за нас положила душу свою...»

Внутренний нерв книги – открытие заново «ценностей незыблемой скалы», на вершине которой – трепетное прикосновение к священному, превосходящему человеческий ум. Эту вертикаль Вехова нашла для себя в Библии, другие находят ее в иных книгах. Буква мертва, только дух животворит, и этот дух веет в паузах между словами книги со скромным названием «Бумажные маки». Я думаю, эта книга поможет нам понять ошибки отцов и наши собственные ошибки.